

Литвинко Михаил Васильевич

Litvinko Mikhail Vasilyevich

соискатель кафедры истории России
Кубанского государственного университетаPhD applicant, Russian History Department,
Kuban State University**МИТРОПОЛИТ ГУРИЙ (ЕГОРОВ)
В БЕЛОРУССИИ:
ВЕХИ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
В ЗЕРКАЛЕ ГОСУДАРСТВЕННО-
ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ****METROPOLITAN GURIY (EGOROV)
IN BELARUS:
PERSONAL HISTORY
IN THE REFLECTION OF
CHURCH-STATE RELATIONS****Аннотация:**

Статья посвящена деятельности митрополита Гурия (Егорова) в Белоруссии в 1959–1960 гг. С использованием методов персональной истории охарактеризовано служение митрополита в контексте церковно-государственных отношений в СССР. Сделан вывод, что, несмотря на очередной виток церковных гонений, власти уже не могли игнорировать созданную правовую базу взаимоотношений Церкви и Советского государства. В Белоруссии митрополит Гурий активно защищал интересы Церкви перед разворачивавшейся кампанией гонений, стараясь действовать через официальные институты и советское законодательство. Он проявлял большую активность в решении прошений и жалоб от верующих, взаимодействовал с уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Белорусской ССР. На атеистические действия властей митрополит Гурий отвечал рационально: где можно – сопротивлялся, а когда понимал, что это ни к чему не приведет и сопротивление лишь усугубит положение Церкви, делал все так, чтобы акции властей проходили как можно безболезненнее для Церкви. Нередко митрополиту Гурию (Егорову) приходилось искать хрупкий баланс в отношениях со священнослужителями, чьи необдуманные действия могли повлечь за собой весьма нежелательные последствия для всего церковного дела в Минской и Белорусской епархии.

Ключевые слова:

церковно-государственные отношения, гонения на Церковь, уполномоченный по делам Русской православной церкви, верующие, Минская и Белорусская епархия, контекстуальный подход, митрополит Гурий (Егоров).

Summary:

The article is devoted to the activities of Metropolitan Guriy (Egorov) in Belarus in 1959–1960. Guided by means of personal history, the author describes the metropolitan service in the context of church-state relations in the Soviet Union. It is concluded that, despite another round of religious persecution, the authorities could no longer ignore the legal base created by the relations between the church and the Soviet state. In Belarus, Metropolitan Guriy actively defended the interests of the church under the persecution campaigns, trying to operate through formal institutions and the Soviet legislation. He took an active part in dealing with petitions and complaints from believers and interacted with the Commissioner for the Russian Orthodox Church Affairs at the Council of Ministers of the USSR in the Byelorussian SSR. Metropolitan Guriy fought against atheistic actions of the authorities in a rational manner. If it was possible, he resisted. When the resistance exacerbated the situation, he tried to ensure that the activities of the authorities had no serious consequences for the church. Frequently, Metropolitan Guriy (Egorov) had to find a delicate balance in its relations with the clergy, whose reckless actions could have an undesirable effect on the church matters in Minsk and Belarus Diocese.

Keywords:

church-state relations, persecution against the church, Commissioner for the Russian Orthodox Church Affairs, believers, Minsk and Belarus Diocese, contextual approach, Metropolitan Guriy (Egorov).

В отечественной и западной историографии понятие «персональная история» (personal history) неоднозначно, включает в себя и традиционные биографии исторических деятелей, и исследования жизни человека через призму его личных частных отношений, и «внутреннюю биографию», исследованную в противовес «внешней», или «карьерной» [1, с. 59–60]. Нам ближе всего представляется историко-антропологический подход итальянского историка Джованни Леви, который использует общий культурно-исторический контекст для реконструкции биографии и сохраняет равновесие «между специфичностью частной судьбы и совокупностью общественных условий» [2, р. 1330]. Попытка применения подобного контекстуального подхода предпринята в настоящей статье, посвященной реконструкции белорусского периода служения митрополита Гурия (Егорова) в свете церковно-государственных отношений в СССР.

Гурий (Егоров Вячеслав Михайлович) (1891–1965) – видный деятель отечественного священства, который своими подвижническими трудами способствовал сохранению веры и Церкви в Советском Союзе [3, с. 575]. Деятельность Гурия в годы войны и послевоенный период совпала с некоторым потеплением церковно-государственных отношений и созданием определенной

правовой базы положения Церкви и верующих в СССР, которая позволяла поддерживать религиозную жизнь в рамках существующего законодательства. К таковым относится избрание Алексия I патриархом, предоставление епархиальным управлениям и приходским общинам ограниченного права юридического лица, возвращение православным монастырям изъятых земель, деятельность Совета по делам Русской православной церкви [4, с. 332; 5, № 47, с. 210].

Уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви способствовали амортизации болезненного для Церкви процесса закрытия храмов. Наряду с ужесточением надзора над религиозными организациями они смягчали администрирование местного начальства при решении религиозного вопроса. О.С. Смирнова, изучавшая деятельность Совета на материалах Поволжья, пришла к выводу, что процент закрытия храмов был в два раза ниже, чем в СССР, «так как уполномоченные стремились проводить закрытие храмов за счет естественного процесса «затухания» сельских приходов» [6, с. 17].

Относительно благоприятным временем для Русской православной церкви в СССР стала середина 1950-х гг. В 1955 г. впервые за последние пять лет не сократилось, а увеличилось число священнослужителей – с 11 912 до 11 993 [7, с. 352]. Развернувшийся в середине 1950-х гг. процесс оттепели позволял расширить духовную жизнь, благотворно сказался на положении Церкви. Вышли на свободу выжившие в лагерях священнослужители. К маю 1955 г. патриарх сумел хлопотать освобождение епископа Вениамина (Новицкого), в ноябре – декабре получили свободу митрополит Нестор (Анисимов) и епископ Мануил (Лемешевский), затем епископы Афанасий (Сахаров), Николай (Муравьев-Уральский) и многие другие архиереи [8, с. 354]. Борьба двух противоположных точек зрения в партийном аппарате, выжидательная позиция государственных органов, реформа системы госбезопасности развязали руки Совету по делам Русской православной церкви. Г.Г. Карпов считал, что в условиях потепления общественной жизни необходимо предоставить Церкви больше свободы [9, с. 359].

Дальнейшее улучшение положения Церкви патриарх Алексей I связывал с реформами Н.С. Хрущева, который в 1958 г. стал председателем Совета министров СССР. В своей работе патриарх опирался на людей Церкви, известных своей подвижнической деятельностью по защите православия. Поэтому он всячески продвигал на важные посты Гурия Егорова, прошедшего тюрьмы и лагеря, известного своей неутомимостью в отстаивании интересов верующих и церковных институтов в СССР. В связи с этим в 1959 г. Гурий был возведен в сан митрополита и возглавил Минскую и Белорусскую епархию [10, с. 29].

Однако по времени это назначение совпало с новым витком гонений на Церковь в Советском Союзе. От Алексия I Первый секретарь КПСС и глава правительства СССР Н.С. Хрущев потребовал согласия на массовое закрытие церквей, монастырей, в том числе Киево-Печерской лавры, а также духовных учебных заведений. Патриарх категорически отверг возможность закрытия известных монастырей, заявив о том, что в знак протеста уйдет на покой [11, с. 13].

4 октября 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках атеистической пропаганды»». В нем говорилось, что партийным, комсомольским и общественным организациям необходимо «развернуть организованное наступление на религиозные пережитки советских людей. <...> Церковники и сектанты не только приспособляются к современным условиям религиозную идеологию, модернизируют ее, но и совершенствуют методы и формы ее воздействия на массы. Усиливается, например, миссионерско-проповедническая деятельность духовенства. Церковные организации, обманывая верующих, инсценируют «явления» икон, «открывают» могилы праведников, «святые целебные» источники, ведут там идеологическую обработку людей и вытягивают у них деньги» [12, № 168, с. 232].

16 октября 1958 г. были приняты два постановления Совета министров СССР «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий, епархиальных управлений, а также доходов монастырей». В первом постановлении советам министров союзных республик поручалось сократить монастырские земельные угодья, запретить в монастырях наемный труд, установить порядок использования монастырями зданий. Кроме того, республиканским советам министров совместно с Советом по делам Русской православной церкви, Советом по делам религиозных культов поручалось «в шестимесячный срок изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скитов и внести в Совет министров СССР согласованные предложения по этому вопросу» [13, с. 14].

Во втором постановлении Церкви запрещалось продавать свечи по ценам более высоким, чем они приобретались в свечных мастерских, устанавливался более высокий налог с земельных участков, находившихся в пользовании монастырей, и отменялись ранее установленные льготы по налогу со строений и земельной ренте.

Все три постановления ознаменовали новое наступление на Русскую православную церковь. В январе 1959 г. на проводимом Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам

Русской православной церкви в регионах уничтожающей критике подверглась деятельность этого Совета. Его обвинили в том, что он поддерживал ходатайства Церкви об открытии новых храмов, вместо того чтобы добиваться ликвидации старых, а также что он повинен в льготном налогообложении для Церкви. В целом, по мнению критиков, Совет способствовал распространению религиозной идеологии, «пособничал церковникам», поэтому вся его деятельность – это «ошибки и извращения». Главным виновником такой работы критики объявили председателя Совета Г.Г. Карпова [14, с. 366–367].

Белорусская ССР, всегда примерная в идеологическом воспитании и атеистической пропаганде, приняла нового управляющего Минской епархией со следующим положением дел в церковной сфере. «По состоянию на 15 ноября 1958 г. в республике насчитывается всего церковей и молитвенных домов 967, из них в городах 86, в горпоселках 79 и в сельской местности 802. Все эти церкви обслуживают 2 архиеерея, 70 священников и 28 диаконов. В республике имеется Минская духовная семинария, которая находится в м. Жировицы Слонимского района Гродненской области. В настоящее время в семинарии обучается 126 человек, из них: в первом классе 40 человек, во втором классе 30 человек, в третьем классе 29 человек и в четвертом классе 27 человек. На территории БССР действуют три православных монастыря: Гродненский женский монастырь в г. Гродно, Полоцкий женский монастырь в г. Полоцке Витебской области и Жировицкий мужской монастырь в м. Жировицы Слонимского района Гродненской области. В указанных монастырях насчитывается 137 человек монашествующих, из них монахинь 109 и монахов 28» [15, л. 119].

Если верить отчетам уполномоченных по делам Русской православной церкви, то религиозная жизнь в республике была крайне умеренной, наблюдалась тенденция к снижению религиозной активности. В своем информационном докладе о прошедшем религиозном празднике «Пасха» в 1959 г. уполномоченный писал: «Религиозный праздник “Пасха”, как и в прошлые годы, прошел при большом посещении церковей верующими. По сообщению уполномоченных Совета по областям, в большинстве церковей посещаемость была ниже прошлого года, а в ряде церковей на уровне прошлого года. Характерным явлением было то, что любопытствующей молодежи около церковей присутствовало значительно меньше прошлого года, за исключением городов Гродно, Бреста и Молодечно, где молодежи было от 20 до 30 %. Причем значительная часть молодежи прибыла из сельской местности.

Следует отметить также уменьшение количества исповедников в дни предпасхального поста, особенно уменьшилось исповедников-школьников. Это результат усиления научно-атеистической пропаганды в школе, в печати, читки лекций и т. п., направленной на разоблачение религиозного праздника “Пасха” и поста. Каких-либо происшествий в дни празднования “Пасхи” не было» [16, л. 87].

Однако отчеты уполномоченных можно ставить под сомнение, так как данные в них либо преувеличивались, либо преуменьшались в зависимости от политической ситуации [17, с. 133].

Действия белорусских советских властей по отношению к верующим и Церкви постепенно обрастают воинствующей антиклерикальной риторикой. Так, в решении Оршанского райисполкома от 8 мая 1959 г. «О ликвидации так называемых “святых источников” в пос. Копысь и Понизовье» предписывалось «запретить духовенству и другим разным лицам организовывать и проводить около общественных криниц церковную службу и исполнение религиозных обрядов. В связи с этим не допускать сбора людей около них, связанного с проведением церковной деятельности» [18, № 89, с. 165].

В решении Витебского облисполкома от 29 апреля 1960 г. говорилось о том, что «райисполкомы и уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви и по делам религиозных культов т. Кладов ослабили контроль за деятельностью духовенства и религиозных объединений, за выполнением духовенством законов и постановлений правительства о религиозных культах и не принимали необходимых мер по пресечению незаконных действий церковников и сектантов». Поэтому облисполком решил «установить строгий контроль за деятельностью духовенства», «нарушителей привлечь к ответственности в соответствии с существующими советскими законами», обязать областное управление культуры и областной отдел народного образования улучшить антирелигиозную пропаганду и атеистическое воспитание [19, № 90, с. 166–167]. Активизировалась деятельность Домов и клубов атеистов [20, № 91, с. 168; № 92, с. 170–172].

Появились решения о сносе храмов. Директор Института археологии АН СССР академик Б.А. Рыбаков с тревогой писал в Совет министров БССР: «По сведениям, поступившим в Институт археологии, местные органы советской власти Витебска намечают сломку древней Благовещенской церкви. Институт надеется, что эти сведения не соответствуют действительности. Если же они имеют какие-либо основания, институт заявляет решительный протест. Благовещенская церковь является редчайшим памятником древнего белорусского зодчества XII в., давно вошедшим во все труды по истории искусства Древней Руси. Не вызывает никаких сомнений и принадлежность к культурным ценностям союзного значения. Снос Благовещенской церкви XII в. был

бы ничем не оправданным актом неуважения к древностям своего народа и государственным ценностям Родины» [21, № 93, с. 172].

Приняв епархию, митрополит Гурий стал активно защищать интересы Церкви перед разворачивавшейся кампанией гонений, стараясь действовать через официальные институты и советское законодательство. Он проявлял большую активность в решении прошений и жалоб от верующих. При этом Гурий не давал покоя и уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Белорусской ССР. В частности, писал уполномоченному товарищу Семенову: «Считаю необходимым довести до Вашего сведения, что в соответствии с “Положением об управлении Русской православной церкви” при мне как епархиальном архиерее в качестве совещательного органа образован епархиальный совет» [22, л. 152]. В другом случае он писал: «Настоящим считаю своим долгом довести до Вашего сведения, что при Минском епархиальном управлении мною образована ревизионная комиссия» [23, л. 152]. Учреждая епархиальный совет, владыка Гурий четко определил его функции, которые, по его словам, состоят в «подготовке к решению высокопреосвященнейшим митрополитом дел, которые будут направлены им для этой цели в епархиальный совет» [24, л. 49].

В очередном письме к уполномоченному митрополит Гурий писал: «Препровождая при сем жалобу крестьян деревни Рожковка Каменецкого района Брестской области о имевшем якобы место 18 мая сего года (1959) прискорбном случае уничтожения в ночное время злонамеренными лицами при помощи трактора трех крестов в пределах названной деревни, со своей стороны прошу Вашего авторитетного содействия в том, чтобы в будущем такие действия не повторялись, если изложенное в жалобе соответствует действительности» [25, л. 181]. Владыка Гурий пересылал уполномоченному и другие жалобы и ходатайства со стороны верующих и духовенства.

На такие активные действия высокопреосвященнейшего Гурия по управлению своей епархией незамедлительно последовала реакция из Москвы от заместителя председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР товарища Чередняка: «Совет считает большой ошибкой, допущенной вами, выдачу разрешения на покупку причтового дома церковной общине с. Калиновка, в то время когда община не имела не только причтового дома, но и молитвенного дома. Товарищу Семенову Совет рекомендует принять меры к тому, чтобы митрополит Гурий не направлял в оба эти прихода новых священников» [26, л. 234].

Тем временем по всей стране набирала ход кампания по закрытию монастырей. Уполномоченные по делам Русской православной церкви в Белоруссии внесли свой вклад в осуществление этой акции, однако их первый шаг в этом направлении встретил определенные трудности. Вот как об этом сообщалось в информационной справке: «Совет министров СССР в своем постановлении от 16 октября 1958 г. № 11/59 “О монастырях в СССР” пункт 4 записал: “Поручить советам министров союзных республик, Совету по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР (т. Карпову) и Совету по делам религиозных культов (т. Пузину) в шестимесячный срок изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скитов и внести в Совет министров СССР согласованные предложения по этому поводу”.

Имея в виду это постановление Совета министров СССР, Гродненский облисполком 5 января сего года (1959) внес в Совет министров БССР предложение о закрытии Гродненского женского монастыря и переселении находившихся в нем 58 монашек в Жировицкий мужской монастырь. Для того чтобы переселить монашек из Гродненского монастыря в Жировицкий, надо прежде всего ставить вопрос о закрытии Жировицкого монастыря и решить, куда девать 31 монаха. Так как жировицких монахов переселять некуда, то вопрос о переселении гродненских монашек отпадает. Кроме этого, следует иметь в виду: на территории Жировицкого монастыря находится Духовная семинария, и такое соседство (монашек и семинаристов) не желательно» [27, л. 33–34]. Правда, почему оно для них нежелательно, уполномоченный в своем справочном материале не уточняет.

Здесь необходимо отметить изобретательность советских властей, которую они проявляли во время акций, направленных против Церкви. Так, в мероприятиях по закрытию Гродненского женского монастыря в 1960 г. была предложена инструкция, состоявшая из нескольких пунктов: «1. Нужно работу по закрытию монастыря делать руками духовенства. 2. Учитывать, чтобы закрытие монастыря не совпало с монастырским праздником. 3. Учесть полностью, куда расселять и устроить монашествующих, чтобы они не болтались по республике. 4. Необходимо, чтобы о закрытии монастыря было указание патриарха правящему архиерею. 5. Не допускать поспешностей в проведении мероприятий по закрытию монастыря. 6. Принять меры по недопущению провокации со стороны монашествующих (уход с шумом, удар в набат и т. п.). 7. Учесть количество имущества монастыря, подлежащего вывозке, также личное имущество монашек. 8. Срок эвакуации должен быть минимальным» [28, л. 5].

На атеистические действия властей митрополит Гурий всегда отвечал рационально: где можно – сопротивлялся, а когда понимал, что это ни к чему не приведет и сопротивление лишь

усугубит и без того бедственное положение Церкви, делал все так, чтобы акции властей проходили как можно безболезненнее для Церкви. Так, «во время очередного посещения Гродненского женского монастыря, его настоятельница Расицкая в беседе с уполномоченным заявила, что во время приезда в Гродно митрополита Гурия последний в разговоре с Расицкой рассказал ей, что весной 1960 г. Гродненский женский монастырь будет закрываться» [29, л. 6].

Защищая интересы Русской православной церкви, и в частности своей епархии, митрополит Гурий дошел до председателя Совета по делам Русской православной церкви товарища Карпова, с которым у него состоялась беседа 29 декабря 1959 г. На ней «митрополит Гурий сообщил, что в связи с указаниями патриархии по некоторым вопросам деятельности церкви некоторые уполномоченные Совета не регистрируют тех священников, которые ранее были сняты с регистрации. Отказывают регистрировать священников в таких приходах, где в течение нескольких месяцев не совершалась служба, несмотря на то, что эти приходы являются мощными. Уполномоченный по Минской области т. Тисленко заявил, что все приписные церкви будут сняты с учета действующих, т. е. закрыты.

Уполномоченные Совета снимают священников с регистрации, и меня как правящего архиерея даже не ставят в известность. Нет согласованности в вопросе определения маломощных приходов. В результате под видом маломощных приходов запрещают назначать священников в приходы, которые являются вполне жизненными» [30, л. 2]. После встречи товарищ Карпов заверил митрополита Гурия, что действия уполномоченных Совета будут исправлены.

В целом по многим областям СССР, несмотря на трудности приходской жизни и агрессивное наступление на религию, наблюдались высокий процент церковной обрядности и рост доходов церквей [31, с. 18].

После данного разговора по требованию центрального аппарата Совета по делам Русской православной церкви уполномоченный Совета по БССР вынужден был в письменном виде оправдывать свои действия: «Как правило, снятые с регистрации священники в одной области переводятся митрополитом в другие области республики, где они регистрируются уполномоченными Совета, если нет серьезных мотивов к отказу в регистрации... Правда, уполномоченный Совета по Молодеченской области т. Журавлев не всегда хорошо продумывает предлоги для отказа в регистрации присланного митрополитом священника.

До сих пор снятие с регистрации священников осуществлялось областными уполномоченными, которые ставили в известность об этом только секретаря епархиального управления по области, и то не всегда. В настоящее время мною дано указание областным уполномоченным, что снятие с регистрации священников должно проводиться только с моей санкции, а я буду ставить об этом в известность митрополита... Следует обратить внимание на тот факт, что Гурий заметно активизировал свою деятельность по реагированию на действительные и мнимые ошибки, допускаемые отдельными уполномоченными Совета. Ошибочные действия отдельных уполномоченных мною будут поправлены» [32, л. 31–34].

Митрополит Гурий также активно защищал Церковь в средствах массовой информации. В своей докладной записке уполномоченный товарищ Семенов писал: «22 января сего года (1960) меня посетил митрополит Гурий, он очень нервно реагировал на помещенные статьи в газетах. С возмущением говорил, что протоиерея Богаткевича незаслуженно оклеветали. Гурий далее заявил, почему газеты помещают ложные материалы... “Где гарантия того, что в газетах про меня не могут ложно написать, что я убил человека? Я пришел к Вам защитить духовенство от ложных обвинений в газетах”, – заявил Гурий» [33, л. 19].

К решению епархиальных дел владыка Гурий всегда подходил серьезно и не позволял, чтобы эмоциональная сторона в этот момент довлела над ним. К примеру, разбирая дело настоятеля Ямпольской церкви Речицкого района Гомельской области священника Василия Зылевича, которого обвиняли в пьянстве и расточительстве финансовых средств храма, митрополит Гурий, исходя из серьезности обвинения, запретил его в священнослужении вплоть до установления истины. И только после того как епархиальный ревизор представил рапорт о невиновности отца Василия, владыка Гурий снял с него запрет [34, л. 54, 57–58].

Не раз митрополиту Гурию приходилось искать хрупкий баланс в отношениях со священнослужителями, чьи необдуманные активные действия могли повлечь за собой весьма нежелательные последствия для всего церковного дела в Минской и Белорусской епархии [35, л. 67–68, 79].

В связи с усиливавшимся давлением на Церковь и запретом ей заниматься благотворительной деятельностью митрополит Гурий вынужден был, ссылаясь на Московскую патриархию, запретить епархиальному управлению оказывать любую помощь в виде денежных средств. В частности, в своем циркулярном распоряжении он писал: «Епархиальное управление не имеет права выдавать пособий и ссуд ни церквям, ни отдельным лицам, а с благословения архиерея приходской совет может выдавать пособия священнослужителям и церковнослужителям, ушедшим в заштат, а также и другим лицам, всю жизнь прослужившим Церкви Христовой и оставшимся под старость без всяких средств для существования (“Московская патриархия” от 14.04.1960 № 306)» [36, л. 115].

Несмотря на все усилия, которые владыка Гурий прилагал к делу сохранения Православной церкви в Беларуси, многие приходы на канонической территории Минской митрополии были закрыты. В справке о положении Церкви в Белорусской ССР на 20 февраля 1960 г. уполномоченный приводит следующую статистику: «В республике имеется действующих церквей и молитвенных домов 947, на 1 января 1959 г. их было 966. Состоит на регистрации духовенства 717 человек, на 1 января 1959 г. их было 747» [37, л. 229]. Следует отметить, что после перевода митрополита Гурия на Ленинградскую кафедру в сентябре 1960 г. количество закрытых храмов, часовен и приписных приходов в Беларуси резко увеличилось. К концу 1960 г. в республике насчитывалось всего лишь 48 приходских и 305 приписных храмов и часовен [38, л. 2, 19–27].

Характеризуя деятельность митрополита Гурия, уполномоченный сдержан в оценках. Более того, некоторая информация в его отчете явно противоречит вышеизложенному архивному материалу. «За короткое пребывание в Минской епархии Гурий ничем особенным себя не проявил. В отличие от Питирима чаще бывает у меня на приеме, за полгода посетил меня 9 раз. При выездах на приходы избегает пышности в церковных службах, а также при встрече его. Проповедей не произносит. Болезненно реагирует на печать, разоблачающую поведение духовенства.

Гурий проявляет скрытое недовольство проводимыми мероприятиями уполномоченных Совета на местах, направленными на сдерживание активности духовенства и привлечение отдельных священников к ответственности за нарушение советских законов (снятие с регистрации)» [39, л. 14].

Тем не менее в архивных материалах имеется интересное мнение о деятельности митрополита Гурия на Минской кафедре, высказанное одним из благочинных, которое было записано уполномоченным. «В беседе с Новогрудским благочинным Бубеном последний рассказал уполномоченному, что он два раза посетил епархиальное управление после приезда в Минск Гурия, который начал во всем наводить порядок, причем жесткий порядок, создалось угнетенное положение, весь тот дух мира болезни митрополита Питирима за судьбу ближнего сменился боязнью быть исключенным из епархиального управления. Раньше при Питириме он оказывал помощь нуждающимся, сейчас этого нет. Гурий на денежную кассу посадил близкого ему монаха, привезенного из Днепропетровска. Раньше владыка Леонтий сидел вместе с Питиримом, а сейчас Гурий посадил его в общую канцелярию, а личного секретаря принимает только тогда, когда он пожелает его принять. Конечно, многим в епархиальном управлении это не нравится и все это по-своему истолковывается, но он лично, Бубен, эти действия по вопросу наведения порядка в епархии одобряет» [40, л. 7].

19 сентября 1960 г. владыку Гурия переводят на Ленинградскую кафедру с титулом митрополита Ленинградского и Ладожского [41, с. 4]. Гонения на Церковь в Белоруссии продолжались, но власти уже не могли игнорировать созданную, в том числе и при участии Гурия, правовую, прецедентную основу взаимоотношений Церкви и Советского государства. В сложившейся исторической ситуации уже вряд ли представлялось возможным целиком убрать церковные институты и народную религиозность из сформировавшейся системы общества СССР. Персональная история митрополита Гурия отразила тем самым общий контекст развития церковно-государственных отношений в СССР конца 1950-х – начала 1960-х гг.

Ссылки:

1. Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность. Историческая биография сегодня / под ред. Л.И. Репиной. 2-е изд. М., 2010. С. 55–74.
2. Levi G. Les usages de la biographie // *Annales: Économies, Sociétés, Civilisations*. 1989. Vol. 44, no. 6. P. 1325–1336.
3. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. Т. II. 1954–1970 гг. М., 2009. 671 с.
4. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. М., 2000. 400 с.
5. Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. Т. I. М., 1991.
6. Смирнова О.С. Деятельность института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви в 1944–1965 гг. (на материалах Верхнего Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2010. 24 с.
7. Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 352.
8. Там же. С. 354.
9. Там же. С. 359.
10. ЖМП (Журн. Моск. патриархии). 1959. № 6.
11. Письма патриарха Алексия I ... С. 13.
12. Русская православная церковь ... № 168. С. 232.
13. Письма патриарха Алексия I ... С. 14.
14. Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 366–367.
15. НАРБ (Нац. арх. Респ. Беларусь). Ф. 951. Оп. 3. Д. 22. Л. 119.
16. Там же. Д. 29. Л. 87.

17. Соколова М.И. Советское государство и Русская православная церковь в 1953–1964 гг. (на материалах Сталинградской (Волгоградской) области) : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2016. 357 с.
18. Православная церковь на Витебщине (1918–1991). Документы и материалы / сост. В.П. Коханко, Н.В. Воронова, А.М. Киселев, М.В. Пищуленок, В.Г. Ширма. Минск, 2006. 365 с.
19. Там же. № 90. С. 166–167.
20. Там же. № 91. С. 168 ; № 92. С. 170–172.
21. Там же. № 93. С. 172.
22. НАРБ. Ф. 951. Оп. 3. Д. 29. Л. 152.
23. Там же.
24. Там же. Д. 30. Л. 49.
25. Там же. Д. 33. Л. 181.
26. Там же. Д. 29. Л. 234.
27. Там же. Д. 28. Л. 33–34.
28. Там же. Л. 5.
29. Там же. Л. 6.
30. Там же. Д. 40. Л. 2.
31. Макарова Д.Ю. Эволюция взаимоотношений Русской православной церкви и Советского государства в 1943–1991 гг. (на материалах Курской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2015. 26 с.
32. НАРБ. Ф. 951. Оп. 3. Д. 40. Л. 31–34.
33. Там же. Л. 19.
34. АМЕУ (Арх. Мин. епарх. упр.). Ф. 1. Оп. 2. Д. «Личное дело прот. Зылевича Василия Семеновича». Л. 54, 57–58.
35. АМЕУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. «Циркулярные распоряжения 1959–1960 гг.». Л. 67–68, 79.
36. НАРБ. Ф. 951. Оп. 3. Д. 41. Л. 115.
37. Там же. Д. 34. Л. 229.
38. АМЕУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. «Отчет по Минской епархии за 1960 г.». Л. 2, 19–27.
39. НАРБ. Ф. 951. Оп. 4. Д. 25. Л. 14.
40. НАРБ. Ф. 951. Оп. 3. Д. 38. Л. 7.
41. ЖМП. 1960. № 10. С. 4.

References:

- Kokhanko, VP, Voronova, NV, Kiselev, AM, Pischulenok, MV & Shirma, VG (comps.) 2006, *The Orthodox Church in Vitebsk (1918-1991). Documents and proceedings*, Minsk, 365 p., (in Russian).
- Letters from Patriarch Alexy I to the Council for the Russian Orthodox Church at the Council of People's Commissars – the Council of Ministers of the USSR* 2009, vol. II. 1954-1970, Moscow, 671 p., (in Russian).
- Levi, G 1989, 'Les usages de la biographie', *Annales: Économies, Sociétés, Civilisations*, vol. 44, no. 6, pp. 1325–1336. <https://doi.org/10.3406/ahess.1989.283658>.
- Makarova, DYU 2015, *Evolution of the relationship between the Russian Orthodox Church and the Soviet state in 1943-1991 (case study of Kursk region)*, PhD thesis abstract, Kursk, 26 p., (in Russian).
- Repina, LP (ed.) 2010, 'From the "history of one life" to "personal history"', *Istoriya cherez lichnost'. Istoricheskaya biografiya segodnya*, 2nd ed., Moscow, pp. 55-74, (in Russian).
- Shkarovsky, MV 2000, *Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev. State-church relations in the USSR in 1939-1964*, Moscow, 400 p., (in Russian).
- Shtrikker, G (comp.) 1991a, *Russian Orthodox Church in the Soviet era (1917-1991). Proceedings and documents on the history of relations between the state and the church*, vol. I, Moscow, (in Russian).
- Shtrikker, G (comp.) 1991b, *Russian Orthodox Church in the Soviet era (1917-1991). Proceedings and documents on the history of relations between the state and the church*, vol. II, Moscow, no. 168, p. 232, (in Russian).
- Smirnova, OS 2010, *The activities of Commissioner for the Russian Orthodox Church Affairs in 1944-1965 (case study of the Upper Volga region)*, PhD thesis abstract, Ivanovo, 24 p., (in Russian).
- Sokolova, MI 2016, *The Soviet state and the Russian Orthodox Church in 1953-1964. (case study of Stalingrad (Volgograd) region)*, PhD thesis, Volgograd, 357 p., (in Russian).
- The Journal of the Moscow Patriarchy* 1959, no. 6, (in Russian).